

БАРАХОЛКА

Мир человеческих интересов весьма занят. Особенно в том, что не касается его ежедневных дел – так называемой работы, исполнение которой далеко не каждому приносит кроме куска хлеба хоть какое-то удовольствие.

Но сейчас, любезный читатель, речь пойдет не о мире служебных, казенных, так сказать, дел, а о том, что может интересовать какую-либо отдельно взятую человеческую особь вне мира дурацких производственных отношений.

Конечно, в свете заявленной темы хотелось бы рассмотреть под микроскопом этакий обобщенный, даже лучше усредненный образ этой самой особи, что так свойственно пишущей братии, но, боюсь, что подобное автору не по зубам. Изучим же что-либо более конкретное без обобщений и ненужных выводов.

Возьмем с вами субботу – день базарный.

Один, в мире своих интересов изобразит впавшего в зимнее оцепенение сурка.

Страшным, нечеловеческим усилием воли заставляет себя мучиться во сне до обеда, хотя на самом деле проснулся как всегда без четверти семь, но вспомнив, что сегодня суббота, заявил себе – надо выспаться и под влиянием этой дикой, совершенно ему ненужной мысли теперь злобно борется с окончательно одолевшей его и близкой к триумфальной победе, бессонницей.

Этого одного, любезный читатель, мы временно исключим из нашего исследования. К обеду, когда он поднимется с постели, злой на весь мир, одуревший от дневной бессонницы, как теперь говорят: наглотавшийся "озверина", вот тогда мы и взглянем с большим любопытством на бескрайний мир его интересов, а пока перейдем к другому персонажу, скажем к автору, и, если вы уже встали, давайте отправимся вместе с ним в мир обычных субботних его интересов, в городской клуб человеческого общения - на барахолку, в центр столичного дивного города, туда, где привлекающих внимание нашей темы людей, именно в этот день собирается великое множество.

Итак, барахолка.

Что всегда удивляет, так это скупщики золота, активно пасущиеся у входа на базарчик, стоящие рядом с продавцами разобранных на части велосипедов, еще недавно бывших чьей-то собственностью, и, как думается, похищенных одичавшими бомжами из городских подвалов или просто у беспечных хозяев, оставивших эти преобразователи мускульной энергии на время где-нибудь у забора. Больше велосипеду взяться как будто бы неоткуда, он не растет как душистый ландыш в лесу, а заводы велосипедные давно позакрывали за ненадобностью.

Так вот, автора мучает мысль: неужели кто-то идет на барахолку продавать золото? Но раз есть спрос, то, видимо, бывает и предложение. Хотя, при поверхностном наблюдении, продавцов золота увидеть никогда не доводилось. Наблюдаются одни покупатели. В большинстве своем – вольная цыганская артель городских золотокопателей.

Продавцов же и покупателей всего остального, что изготовлено не из упомянутого металла, по субботам здесь хоть пруд пруди. Обратим же сейчас именно к ним свой любознательный взор.

Ассортимент предлагаемых здесь на продажу предметов нельзя обозначить каким-либо одним словом – он безмерен, и пытается удовлетворить интерес любого пришедшего сюда.

Все, что возможно где-либо утащить, отвинтить, отодрать, прихватить с собой, уволочь, отпилить или просто сунуть в карман, а также вековые залежи кладовок, чердаков и подвалов – все

это здесь с безмерным терпением ожидает своего любителя, в чей мир интересов рано или поздно попадет и будет любовно привинчено, приклеено, прибито, припаяно, привязано или, наконец, просто поставлено в нужное место, и станет ласкать взор нового своего, совершенно удовлетворенного происшедшим, владельца, и теперь уже служить ему вечно.

Хотя автор не исключает возможность и того, что если это, скажем к примеру, всего лишь фарфоровая ручка от смывного бачка унитаза, почерневшая от времени, потрескавшаяся, но не утратившая своей первозданной изящности, благородства и красоты форм, работы еще довоенного старого немецкого мастера, – то по обрывку цепочки, прикрепленной к ней толстой канцелярской скрепкой и по тому, что сама эта цепочка состоит из двух непохожих друг на друга своими звеньями кусков, удлиненных, к тому же, случайным обрывком шнура от утюга или настольной лампы – ярчайшее свидетельство неоднократных путешествий по разным хозяевам и квартирам – то может статься, что сей предмет еще не один раз поменяет ласковую руку хозяин в особенности, если опять попадет в коммунальную квартиру.

Отвлечемся же на секунду от привлекшего наше внимание предмета абсолютной жизненной необходимости и прислушаемся, якобы невзначай, к разговорам, торгующего, наконец, в абсолютно свободном мире капитализма, сотоварищества:

– А вчера под вечер, после всего, еще бутылек взяли, зашли к его мамаше, ей девяносто исполнилось, там и остались, мать все же, надо поздравить, на танцы уже не пошли!

Фраза о танцах что-то пошевелила в склеротических извилинах автора, но мысль до конца не сформировала. Диалог меж тем продолжался.

– Да вы уже и здесь хороши были. Витьке Седой еще с утра по глазу съездил, чтоб целоваться небритый не лез!

Взглянув на любителя утренних поцелуев Витьку с распухшим носом и огромным, еще только набирающим свой настоящий цвет, розово-красным синяком под какого-то рыбьего цвета глазом, Витьку, накрытого сверкающей больным, похмельным потом лысиной, окаймленной липкой лапшой волос, безнадежно свисающих ключьями мимо мохнатых, старческих ушей не старой еще головы, волос цвета предрассветного оцинкованного помойного ведра, грустно стоящего у вас между дверьми черного хода, падающих на торчливые, густо усыпанные перхотью плечи старомодного черного пиджака; Витьку в остроносых, тоже когда-то черных, венгерских туфлях на скособочившихся высоких каблуках эпохи нашей юности, непонятно как сумевших дожить до наших дней, и только по знакомой фразе о несостоявшемся походе на танцы в памяти все же всплывает он – Виктор, приятель юности, белокурый стройный парень, продавец из винной лавки, что на Турайдас в Дзинтари, голубоглазый неотразимый обольститель – 61.

Это с его красавицей женой, первой из полудюжины остальных - юной скромной девочкой в голубом блестящем платье вы танцуете в огромном зале ресторана "Рига" под его, Виктора, счастливым и гордым взглядом.

Вы совсем чуть-чуть прикасаетесь к ней в танце и в душе скрежете зубами от зависти – почему не вы женаты на этом воистину небесном создании?

Именно этот давний вечер всегда встает у вас перед глазами, когда сегодня случайно или по собственному желанию слышите песенку из новой эпохи – " В шумном зале ресторана, ...ах, какая женщина – мне б такую!"...

Как много воспоминаний может извлечь из памяти человека случайная фраза, мелодия, какой-то знакомый жест, не говоря уже о мире запахов накрепко привязывающим вас к

совершенно конкретным местам, времени, событию или ощущению...

Виктор, изрядно выпив, всегда изрекал хорошо запомнившуюся присказку о своем нежелании ходить на танцы и сегодняшний его колоритный облик мог бы послужить сногшибательной рекламой: "Он не танцевал!" и способствовать моментальному расцвету любого чахлого заведения, проповедующего танцы, как образ жизни или, хотя бы, как разбавитель для горячительных спиртных напитков вроде горького и невкусного тоника.

Из наших сегодняшних наблюдений за жизнью барахолки недоцеловавшийся накануне плейбой счастливо убывает, любовно поглаживая совсем юношески голубеющим взглядом изображение довольной коровы на празднично блестящей двухлатовой монете, дружелюбно врученной ему автором в честь нахлынувших воспоминаний – коровы, которая будет немедленно выдоена до последней капли с целью абсолютного просветления сознания ее кратковременного нового владельца, что поможет ему жизнерадостно вернуться в мир собственных интересов и продолжить попытки утренних небритых поцелуев .

Здесь мы с вами, любезный читатель, сделаем небольшой перерыв и дождемся прибытия на барахолку временно оставленного нашим вниманием любителя субботнего сна, но это будет уже совсем другая история и не в эту субботу.